

У. МАРГГРАФФ

«Собаچه сердце» М. А. Булгакова в свете дискурса о «новом человеке» и историко-философских воззрений И. Канта*

Повесть М. А. Булгакова «Собаچه сердце»¹ (1925) критики ставили в один ряд с популярными в 1920-е гг. публикациями, которые, как например сборник «Омоложение», изданный Н. К. Кольцовым в 1924 г. в Москве и Ленинграде, информировали о практике омоложения человека операционным путем по методу венского физиолога Эйгена Штейнаха².

Уже в 1970-е гг. Ф. Левин обратил внимание на многозначность текста Булгакова, ведущими приемами создания сатирического изображения в котором являются гротеск и комизм. По его убеждению, затрагиваемый с помощью эксперимента профессора Преображенского над бездомной собакой вопрос «омоложения» имеет не только научно-

* Публикуется впервые.

¹ Написанное в начале 1925 г. произведение, предназначенное для альманаха «Недра», после прочтения на «Никитинских субботниках» было конфисковано. Несмотря на все стремления писателя и его окружения, оно увидело свет только в 1968 г. во Франкфурте-на-Майне, а также в Лондоне. В России публикация последовала только в 6 номере журнала «Знамя» (1987). Подробнее об эдиционно-текстологических вопросах см.: *Тюрина Е. А.* Повесть М. А. Булгакова «Собаچه сердце». Текстологические проблемы. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

² Омоложение. Второй сборник статей / под ред. проф. Н. К. Кольцова. М.; Пг., 1924 [*То же* // Современные проблемы естествознания. Кн. 16]. В сборнике среди других был представлен французский хирург русского происхождения Сергей Абрамович Воронов, который в 1923 г. выступил на хирургическом конгрессе в Лондоне с докладом об операциях, проведенных с целью «омоложения» своих пациентов. На научно-медицинский дискурс, лежащий в основе теста, обратила внимание М. О. Чудакова в 1987 г. См.: *Чудакова М.* Подготовка текста и комментарии // *Знамя*. 1987. № 6. О проекте омоложения в Западной Европе см.: *Stoff H.* Ewige Jugend. Konzepte der Verjüngung vom späten 19. Jh. bis in das dritte Reich. Köln et al. 2004.

медицинский и социальный, о чем литературоведы стали говорить довольно быстро, но и скрытый автобиографический смысл³.

Правда, так как произведение во избежание проблем с цензурой написано «эзоповым языком»⁴, согласно Ф. Левину, предположение о присутствующем в самом тексте беспощадном анализе ситуации внутренней эмиграции, в которой оказался сам Булгаков, доказать не удалось. В данной статье предпринимается попытка на основе современных методов литературоведения и новых историко-литературных фактов расшифровать и осмыслить метафорический характер событий, зафиксированных в сюжете повести. Прежде всего речь идет о показе глубоко скрытых, но все же заметных интертекстуальных ссылок на произведения И. Канта и Ф. Шиллера, в которых, как в «Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) и в «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1793–1794), речь идет о последствиях господства логоса над природой. Обращая внимание на присутствующие в «Соба́чьем сердце» до сих пор не замеченные ссылки на историко-философские концепции немецкого просвещения, следует выяснить их функцию и показать их связь с эстетическими и историко-философскими размышлениями Булгакова над проблемами, актуализированными революционными переменами второй половины 1917 г.

Непосредственным импульсом для подобного подхода послужили публиковавшиеся начиная с 1990-х дневники писателя, в которых, в отличие от художественных текстов, содержатся высказывания, более откровенно и наглядно выражающие амбивалентность отношения писателя к пролетарской революции и к вопросу о ее гуманной сущности. Так, в дневниковой записи от 30 сентября 1923 г. проскальзывает консервативный взгляд на события, происходящие в Петрограде во второй половине 1917 г.: «Вероятно, потому, что я консерватор до <...> *мозга костей*, хотел написать, но это шаблонно, но, словом, консерватор, всегда <...> меня влечет к дневнику»⁵.

После публикации этих дневников некоторые исследователи, формируя упрощенное представление о мироощущении писателя,

³ Levin V. Das Groteske in Michail Bulgakovs Prosa, mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij. München 1975. С. 37–53.

⁴ В качестве доказательства цитируется Helen von Ssachno: «Die Botschaft des Künstlers gelangt, wenn überhaupt, nur noch auf Umwegen, über die Chiffre der Andeutung [...] zum Leser» (Levin V. Das Groteske in M. Bulgakovs Prosa mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij. С. 55–56).

⁵ Булгаков М. Отрывки из дневников // Театр. 1990. № 2. С. 146–147. См. также: Булгаков М. 1) Под пятой. Мой дневник 1923 г. М., 1990; 2) Дневник. Письма. 1914–1940. М., 1997.

выдвигали предположение, что автор в момент их создания мечтал о возвращении к старым, дореволюционным порядкам⁶. Такого рода высказывания основаны на игнорировании стремления Булгакова избежать апологетики дворянских и буржуазных отношений в России⁷. Ссылаясь на бытовавшие в Москве в 1920-е гг. фантастические слухи о возможном возвращении Николая Николаевича, внука царя Николая I и старшего по возрасту члена бывшей династии Романовых в России, он замечает: «Чёрт бы взял всех Романовых! Их не хватало»⁸. Булгаков убежден, что революция пролетарского образца в России вызвана серьезными причинами, что заставляет предполагать, что революция может повторяться в других славянских странах: «Эти второстепенные славянские государства, столь же дикие, как и Россия, представляют великолепную почву для коммунизма»⁹. В поиске типологического Булгаков обращает внимание на нехватку культуры, которая способствует, как ему кажется, победе большевиков. Бросается в глаза, что сомнения Булгакова относительно пролетарской революции похожи на те, которые провоцировала Великая Французская революция, революция буржуазного толка, 1789 г., в сознании европейской интеллигенции. Уже Ф. Шиллер утверждал, что осуществление идеи «прекрасной человечности» («Ausprägung schöner Menschlichkeit») с помощью искусства и литературы отрицает необходимость проведения революции, подобно Французской. В пятом письме из собрания «Писем об эстетическом воспитании человека» (1793–1794) говорится: «Здание естественного государства колеблется, его прогнивший фундамент оседает, и, кажется, является “физическая” возможность возвести закон на трон, уважать, наконец, человека как самоцель и сделать истинную свободу

⁶ См.: «1925 год стал рубежным — наступило время ностальгии по России, исчезнувшей с лица земли» (Чудакова М. Михаил Булгаков и Россия // Литературная газета. 1991. № 19 (5345). С. 11).

⁷ Булгаков не считает рациональным и необходимым обратить историю вспять. По его мнению, важнее разьяснить причины состоявшегося. Такой подход соответствует идее Канта, утверждавшему, что все войны и революции «представляют собой многочисленные попытки (правда, не как цель человека, а как цель природы) создать новые отношения между государствами и посредством разрушения или хотя бы раздробления всех образовать новые объединения, которые, однако, опять-таки либо в силу внутреннего разлада, либо вследствие внешних распрей не могут сохраниться и потому должны претерпевать новые, аналогичные революции» (Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 12–28).

⁸ Булгаков М. Отрывки из дневников. С. 150. См. также: Булгаков М. Под пятой. Мой дневник 1923 г.

⁹ Булгаков М. Отрывки из дневников. С. 147.

основой политического союза. Тщетная надежда! Недостает *моральной* возможности, и благоприятный миг встречает невосприимчивое поколение»¹⁰. Ответом Шиллера на французскую революцию была программа так называемого эстетического воспитания, призванная подготовить исторически конкретного человека к деятельности по изменению политических форм.

Изображая оперативное вмешательство в жизнь живой природы — эксперимент над собакой с целью омоложения — Булгаков апеллирует к историко-философским концепциям Просвещения, нацеленным на гуманизацию живой природы, человека, как «скрытый план истории»¹¹. Одновременно тот факт, что предлагаемый читателю эксперимент проводится под лозунгом «Омоложения» сигнализирует, что его следует рассматривать в контексте современных Булгакову идеологического и культурно-философского дискурсов. Художественным исследованием эксперимента по «омоложению» Булгаков реагирует на желание общества создать нового, лишённого родовых признаков «старого мира» идеального человека¹². Диапазон максималистских истолкований этого «нового человека» простирается от концепции А. Гастева, приписывающей человеку в мироздании исключительное положение, которое его отталкивает от живой природы, вплоть до натурфилософских идей В. Хлебникова.

Непосредственно после революции пролеткультовец А. Гастев выдвинул свой тезис о «возникновении нового, объединяющего человека и машину существа», чувства которого можно измерить только с помо-

¹⁰ См. русский перевод опубликованный Высшей Школой Культурологии в интернете: Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. [Электронный ресурс] URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shiller=letters.htm>. В оригинале цитата звучит следующим образом: «Das Gebäude des Naturstaates wankt <...> eine *physische* Möglichkeit scheint gegeben, <...> wahre Freiheit zur Grundlage der politischen Verbindung zu machen, vergebliche Hoffnung! Die *moralische* Möglichkeit fehlt» (Schiller F. Über Kunst und Wirklichkeit. Schriften und Briefe zur Ästhetik. Leipzig, 1985. С. 240).

¹¹ См. напр., восьмое положение Канта: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 5–24. См. также: Электронная библиотека. Гражданское общество в России. [Электронный ресурс] URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Idea.pdf. Оригинал цит. по: Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. In: Berlinische Monatsschrift. 1784. S. 385–411. [Электронный ресурс] URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-3506/1>. Подробнее см. монографию: Buhr M. Immanuel Kant. Einführung in Leben und Werk. Leipzig, 1981. С. 126.

¹² Соответственно духу эпохи Борменталь фиксирует в лабораторной тетради: «Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу» (с. 186). Здесь и далее цитаты приводятся по: Булгаков М. Собачьё сердце // Булгаков М. Ханский огонь. М., 1988, — с указанием страниц в скобках.

щью технических инструментов¹³. Булгаков критически и иронически относится к концепции «человек-машина», подчиняющей индивидуальность механике коллективной жизни. Ведь совсем не случайно он заставляет Шарика сравнивать глаза людей с барометром: «О, глаза — значительная вещь. Вроде барометра» (с. 144).

Существенные основания для критики давал Булгакову и С. Третьяков, который в произведении «Сквозь непротертые очки» сравнивал людей с термитами¹⁴. Вполне оправданные сомнения по поводу тезиса о человеке как властелине природы приведут Третьякова, как и в более ранний период Гастева, к отказу от признания индивидуальности отдельного человека, что сомнительно для Булгакова.

Антиномичную концепцию предложил В. Хлебников, когда он на торжестве в честь открытия Народного Университета (1918)¹⁵ выразил желание, что в Астрахани переkreщением разных племен будет создаваться новая раса людей¹⁶. Отталкиваясь от революционных концепций, игнорирующих животную природу человека, Хлебников максималистски пытался раскрыть исторический код Астрахани.

На иной лад философ Г. Федотов в статье «Трагедия интеллигенции» (1926) критикует «висящие» в воздухе разнородные примитивно-

¹³ «Проявления такого механизированного коллективизма настолько чужды персональности, настолько анонимны, что движение этих коллективов-комплексов приближается к движению вещей, в которых как будто уже нет человеческого индивидуального лица, а есть ровные, нормированные шаги, есть лица без экспрессий, душа, лишенная лирики, эмоция, измеряемая не криком, не смехом, а манометром и таксометром» (*Гастев А. О тенденциях пролетарской литературы // Литературные манифесты от символизма к Октябрю. М., 1929. С. 134*).

¹⁴ «Смотреть на жизнь в повернутый бинокль полета — хорошая точка для наблюдения человека не как царя природы, а как одной из животных пород, населяющих земную кору и изменяющих ее облик наиболее заметно в ряду таких сил, как вода, кроты и сорные травы. Все индивидуальные различия загашены высотой. Люди существуют как порода термитов, специальность которых бороздить почву и возводить геометрически правильные сооружения, — кристаллы из глины, соломы и дерева» (*Третьяков С. Сквозь непротертые очки (С. 23)*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/3411.html>. См. также: *Третьяков С. Литература факта // Первый сборник работников ЛЕФА. М., 1929. С. 231*).

¹⁵ Ср.: *Mierau F. Konzepte. Leipzig, 1979. С. 351*.

¹⁶ «Думалось, что у устья Волги встречаются великие волны России, Китая и Индии и что здесь будет построен Храм изучения человеческих пород и законов наследственности, чтобы создать скрещиванием племен новую породу людей, будущих насельников Азии, а проследование индусской литературы будет напоминать, что Астрахань — окно в Индию. Думалось о том времени, когда единая для всего земного шара школа-газета будет разносить по радио одни и те же чтения, выслушиваемые через граммофон и составленные собранием лучших умов человечества, верховным советом Воинов Разума» (*Хлебников В. Творения (С. 616)*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rvb.ru/hlebnikov/tekst/06teor/264.htm>).

материалистические попытки просвещения народа. Ссылаясь на формулировку И. Канта, который назвал сконцентрировавшихся исключительно на своем предмете ученых «одноглазыми великанами» («einäugige Riesen»; «einäugige syklopische Gelehrsamkeit»), Федотов считал революционеров «отчужденными от действительности, одноглазыми вождями»¹⁷.

Когда Булгаков «омоложение» ставит в связь с возникшими в эпоху Просвещения философскими концепциями, в основе которых оппозиция «животное — человек», он также сравнивает Октябрьскую революцию как общественный эксперимент по «освобождению человека от оков прошлого» с оптимистическими концепциями создания счастливого будущего посредством воспитания человека, познающего законы жизни на земле и во вселенной. В том и другом случае оптимистический взгляд на развитие человека и мира содержит иллюзорный момент¹⁸. Что касается социалистической революции, то, по мнению Булгакова, в данном случае речь идет о Просвещении сверху, которое якобы с самыми лучшими намерениями превращает омолаживаемых в объекты, игнорируя их внутреннюю, естественную природу. Насколько это проблематично, показывает дальнейшее развитие сюжета. Животная, естественная природа собаки хирургом уничтожается оперативно. Гипофиз, половые органы животного заменяются соответствующими человеческими органами: «Шариков комочек он вышвырнул на тарелку, а новый заложил в мозг вместе с ниткой и своими короткими пальцами, ставшими точно чудом тонкими и гибкими, ухитрился янтарной нитью его там замотать. После этого он выбросил из головы какие-то распялки, пинцет, мозг упрятал назад в костяную чашу» (с. 180). Эксперимент профессора Преображенского создает опытное поле, которое Булгаков ставит в связь с тенденциально существующими в 1920-е гг. попытками создать «нового человека». Осуществляемые людьми, ослепленными революционной эпохой, они, как и догматическое Просвещение, обличаются как далекие от действительности.

¹⁷ *Kant I. Logik // Sammtliche [sic!] Werke. Bd. 3. Hg.: K. Rosenkranz. Leipzig, 1838. С. 211.* У Федотова эта мысль звучит следующим образом: «Большевики — профессионалы революции»; «Их почвой была созданная Лениным железная партия. Она поглощала человека без остатка, превращала его в гайку, винт, выбивала из него глаза, мозги, заполняя череп мозгом учителя, непомерно разросшегося, тысячерукого, но одноглазого»; «Вся страстная, за столетие скопившаяся политическая ненависть была сконденсирована в один ударный механизм, бьющий часто слепо — вождь одноглазый, — но с нечеловеческой силой» (*Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 440–441. См. также: Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Версты 1927. № 2. С. 180.*

¹⁸ О критике инструментального разума см., напр.: *Kunemann H., De Vries H. Die Aktualität der «Dialektik der Aufklärung». Zwischen Moderne und Postmoderne. Frankfurt/M., 1989.*

Шарик, голодный и истерзанный, бродит по улицам Москвы. Желание поесть мяса ему дорого обойдется. Повар из столовой «нормального питания служащих Центрального Народного Хозяйства» (с. 141) ошпарил его кипятком. Известный в городе, буржуазно-благополучный, с точки зрения обездоленного пса, профессор Преображенский, которому несчастный Шарик случайно попался на глаза, приманил голодное животное колбасой. Запах колбасы обещает Шарiku телесное наслаждение. И возникает у несчастного голодного животного иллюзия, что проблема пропитания может быть решена, и решение это связано с обещанным «омоложением». Он одобрительно смотрит на уличный плакат, раздуваемый ветром, на котором вопрос «Возможно ли омоложение?»: «Натурально, возможно. Запах омолодил меня, поднял с брюха...» (с. 144). Однако вопрос возобновления жизни после государственных перемен и Первой мировой и Гражданской войн, без сомнения, намного сложнее, чем это кажется бездомному псу. Ему невдомек, что все его предположения весьма ограничены. Более того, в суровых условиях при обещании удовлетворения телесных потребностей в его голове возобновляется старое рабское мышление: «О мой властитель! Глянь на меня. Я умираю. Рабская наша душа, подлая доля!» (с. 145).

Подчиняясь профессору, Шарик раболепно следует за ним. Но недавно произошедшая революция также определяет отношение профессора к происходящему. Сравнивая дореволюционное время и день сегодняшний на конкретных реалиях, он неустанно констатирует упадок культуры¹⁹. При этом он вновь довольно точно фиксирует связь современности с XVIII в., например, когда констатирует двухсотлетнюю отсталость России от Европы (с. 167).

Связь идей Просвещения и проблемы революционной гуманности отражается в имеющих исторический смысл булгаковских метафорах света и тьмы, в постоянно фиксируемом, отнюдь не выигрышном для идеологов революции противостоянии старого и нового, в дискредитирующем текстовом воплощении формулы «Социализм — это советская власть плюс электрификация страны!».

Достаточно в этой связи вспомнить хотя бы замечание профессора Преображенского о том, что в новых социальных условиях постоянно гаснут лампочки на лестничной площадке (с. 166). С одной стороны, таким образом профессор устанавливает противоречие между проек-

¹⁹ См., напр.: «Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд <...> следует забить досками и ходить кругом через черный двор? Кому это нужно?» (с. 166); «На какого чёрта убрали цветы с площадок? Почему электричество, которое, дай бог памяти, тухло в течение 20-ти лет два раза, в теперешнее время аккуратно гаснет раз в месяц?» (с. 166).

тами революционеров (план ГОЭЛРО) и реальным состоянием экономики. В более широком культурном контексте погружавшаяся во тьму лестница — объект не только для православной культуры мифологический и сакральный. Это «дорога» сверху вниз или снизу вверх, путь божественного или идеального к людям или путь приближения людей к этому идеальному пространству. В «Собачьем сердце», действие которого происходит в период НЭПа, этот путь постоянно погружается во тьму, что заставляет сомневаться в наступлении прогнозируемого счастливого будущего — «омоложения» мира.

В результате эксперимента, который проводится под знаком «омоложения» человека, Шарик превращается в зооморфное существо — уродливое чудовище, человеко-собаку. Таким образом, выдвинутый в названии повести как ключевой вопрос о потенциальной возможности очеловечивания природы, изменения животной природы человека, в тексте приобретает все большее значение. После операции профессор вступает в роль воспитателя. По всей квартире появляются запретительные надписи: «Не плевать!», «Не есть семечки!»²⁰ Эти призывы-указания должны регулировать поведение Шарикова. Они становятся символом изменений, навязанных этому существу извне.

Такое же значение имеют и попытки профессора руководить чтением Шарикова или его поведением за столом, чтобы он хотя бы внешне становился похожим на человека. Образовательный идеал профессора выражается в его советах прочесть «Робинзона Крузо» или в попытках заставить подопечного слушать любимые профессорские оперы²¹, что ни в коей мере не соответствует потребностям самого Шарикова. По всей вероятности, и Булгаков к такого рода попыткам относился

²⁰ См. также: «На притолоке у двери в приемную висел белый лист бумаги, на коем рукою Филиппа Филипповича было написано: “Семечки есть в квартире запрещают. Ф. Преображенский”»; «Игра на музыкальных инструментах от 5 часов дня до 7 часов утра воспрещается»; «Окурки на пол не бросать»; «Чтобы я не слышал ни одного ругательного слова в квартире! Не плевать! С писсуаром обращаться аккуратно» (с. 191).

²¹ В тексте противопоставляются предпочитаемые профессором, а значит, и образованным обществом, оперы и увлекающие грубого по природным задаткам человека Шарикова. Нельзя не видеть в этом инвективу против авангардисткой концепции С. Эйзенштейна, согласно которому «Школой монтажера является кино и главным образом мюзикхолл и цирк» (*Эйзенштейн С. Монтаж аттракционов. [Sic!] 1923. С. 14. 1923*). Но также нужно отметить, что Просвещение считало оперу и балет бесполезными развлечениями, в отличие, напр., от трагедии. Если профессор Преображенский, как и М. Булгаков, любит оперу Джузеппе Верди «Аида» (1871), что весьма значительно и в связи с цензурными ограничениями, которые композитору, как и Булгакову, пришлось преодолеть, необходимо также вспомнить высказывания Шиллера о музыке, предвещающие искусство эпохи модерн.

иронически, ведь фантазии профессора, связанные с просвещенческими идеями, появляются, скорее всего, в форме стереотипов стереотипно: «необитаемый остров, пальма, человек в звериной шкуре и колпаке “Надо будет Робинзона...”» (с. 206).

Однако подвергающий общественный эксперимент «омоложения» (и тем самым идею социализма) проверке профессор Преображенский не полагается только на надежды и иллюзии. Как серьезный ученый-экспериментатор он заботится об анализе и интерпретации фактов. В результате он осознает полный крах идеи «омоложения». Ценности, лежащие в основе эксперимента, обличаются ситуативным комизмом. Одна из причин финального прозрения — отсутствие благодарного признания от Шарикова, его жалобы на ущербность, ограниченность попытки экспериментального улучшения его природы, приведшей к уничтожению права на свободное самоопределение. Шариков упрекает профессора в том, что эксперимент очеловечивания организован против воли его как очеловечиваемого существа: «Что-то вы меня, папаша, больно утесняете, — вдруг плаксиво выговорил человек. <...> Что вы мне жить не даете?! <...> Разве я просил мне операцию делать? — человек возмущенно лаял. Хорошенькое дело! Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются. Я, может, своего разрешения на операцию не давал. А равно <...> а равно и мои родные. Я иск, может, имею право предъявить» (с. 191).

Отсутствие благодарности со стороны Шарикова ошарашивает профессора. Булгаков заставляет Преображенского выдвинуть два существенных аргумента в оправдание революции. Это аргументы интеллигента-революционера: «Вы изволите быть недовольным, что Вас превратили в человека? <...> Вы, может быть, предпочитаете снова бегать по помойкам? Мерзнуть в подворотнях? Ну если бы я знал...» (с. 192).

И тут Булгаков, используя прием остранения, сталкивает мироощущение революционной интеллигенции, экспериментирующей с очеловечиванием в лице оперирующего Преображенского и его ассистента Борменталья, с представлениями о происходящем простых людей, воплощением которых становится лабораторный Шарик как вполне конкретное существо, индивидуальность, обладающая собственной историей (биографией). Основанная на подчиненности страстям асоциальная манера поведения Шарикова комическим образом противопоставляется его желанию быть уважаемым обществом, которое выражается в требовании обращаться к нему исключительно по имени и отчеству. Тот факт, что омоложение провалится, что Шарикова не удастся отучить от публичных ругательств, от привычки плевать на уличную мостовую, а то и на пол, от неконтролируемых проявлений сексуальности, разочарованный профессор объясняет генетически. Причину он видит в пересадке органов «асоциального элемента» — безработного алкого-

лика Клим Григорьевича Чугункина и в неправильном обосновании эксперимента: «Но кто он? Клим, Клим, Клим Чугунов <...> — вот что-с: две судимости, алкоголизм, “все поделить”, шапка и два червонца пропали» (с. 217). Связь профессорских попыток откорректировать оптимистическую революционную концепцию, игнорирующую действительность, с размышлениями Канта налицо в саморазоблачениях профессора Преображенского: «гипофиз — закрытая камера, определяющая данное лицо. Данное! <...> А не общечеловеческое» (с. 217).

Размышляя над тем, каким создает «человека природа», что он как свободно действующее существо делает или может, или должен «делать из себя сам», Кант заставлял вспомнить, что закономерный ход природы-истории осуществляется медленно, но «неизменно поступательно» и представляет собой развитие «первичных задатков людей» в русле устремления их «к неведомой им цели природы»²². Следуя за Кантом, Шиллер предупреждает: «Итак, уничтожая естественное государство <...> разум рискует физическим и действующим человеком ради проблематичного нравственного, рискует существованием общества ради возможного (хотя в смысле моральном и необходимого) идеала общества. Разум отнимает у человека то, чем он действительно владеет и без чего ничем не владеет, и взамен этого указывает ему на нечто, чем он должен бы и мог бы владеть; и если бы расчет на человека оказался чрезмерным, то разум отнял бы у него ради его человеческой сущности, которой еще нет и которая без вреда для его существования может и отсутствовать, самые средства животного бытия, составляющего, однако, условие его человеческой сущности. Разум подрубил бы под его ногами лесенку природы прежде, чем человек успел бы найти по собственной воле опору в законе»²³. В художественном тексте

²² *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 5–24. См. также: Электронная библиотека. Гражданское общество в России. [Электронный ресурс] URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Idea.pdf. Ср. нем. оригинал: «Die Geschichte, welche sich mit der Erzählung dieser Erscheinungen beschäftigt, so tief auch deren Ursachen verborgen sein mögen, läßt dennoch von sich hoffen: daß, wenn sie das Spiel der Freiheit des menschlichen Willens im Großen betrachtet, sie einen regelmäßigen Gang derselben entdecken könne; und daß auf die Art, was an einzelnen Subjecten verwickelt und regellos in die Augen fällt, an der ganzen Gattung doch als eine stetig fortgehende, obgleich langsame Entwicklung der ursprünglichen Anlagen derselben werde erkannt werden können» (Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht).

²³ *Шиллер Ф.* Письма об эстетическом воспитании человека. С. 288–387. Ср. нем. оригинал: «Hebt also die Vernunft den Naturstaat auf <...> so wagt sie den physischen und wirklichen Menschen an den problematischen sittlichen, so wagt sie die Existenz der Gesellschaft an ein bloß mögliches (wenn gleich moralisch notwendiges) Ideal von Gesellschaft. Sie nimmt dem Menschen etwas, das er wirklich besitzt und ohne welches er nichts besitzt <...> und hätte sie zuviel auf ihm gerechnet, so würde sie ihm für seine Menschheit, die ihm noch mangelt <...> auch selbst die Mittel zur Tierheit

Булгакова мысли Канта и Шиллера конкретизируется следующим образом: «Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподымает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей» (с. 261, 217). По мнению Канта и Шиллера, актуализированному революционной Россией, задатки, данные человеку от Бога или природы, у разных людей совершенствуются в разное время в различных измерениях. Порицание оборотной стороны гуманистического утопизма, выраженного в этом убеждении, в «Собачем сердце» выливается в высказывание Преображенского: «Человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар» (с. 217). Вряд ли случайно в этот момент в качестве альтернативы вспоминается Спиноза, который, размышляя о «свободе» в «океане» механического детерминизма, затрагивал вопрос о соотношении отдельного человека и человеческого рода. Булгаков, вслед за ним противопоставляя алкоголика и философа, отмечает, что отдельный человек «развивается» согласно внутренним задаткам. Как модус субстанции он может только стремиться к согласованию с природой, быть властелином над природой, ему не дано²⁴.

Таким образом, скрыто, но все же заметно с помощью опыта историко-философской мысли XVII и XVIII вв. (от Спинозы через Канта до Фридриха Шиллера) в начале 1920-х гг. мотивируется крах абстрактных педагогических амбиций революционеров, насильственно форсирующих переделку страны и пытавшихся создать нового человека (*homo soveticus*) без учета особенностей всегда конкретной и преимущественно социально обусловленной человеческой природы.

Комической карикатурой на образовательный идеал Преображенского становится странное катание высокоуважаемого профессора по стихийно образовавшемуся «морю» — собственному залитому водой

entrissen haben, die doch die Bedingtheit seiner Menschheit ist. Ehe er Zeit gehabt hätte, sich mit seinem Willen an dem Gesetz festzuhalten, hätte sie unter seinen Füßen die Leiter der Natur weggezogen» (*Schiller F. Über Kunst und Wirklichkeit. S. 235*).

²⁴ См.: *Bartuschat W. Spinozas Theorie des Menschen. Hamburg, 2013. С. 173–175; Priestersbach H. Die Substanz bei Spinoza und Leibnitz. Berlin, 2015. С. 107.* В дополнение вышеизложенного необходимо подчеркнуть, что Спиноза является для Булгакова образцом ученого, который от всех сил старался сохранить свою личную независимость и свободу в высказывании философских мыслей. Так, напр., известно, что он отказался от предложения посвятить важный философский труд французскому королю Людовику XIV, что гарантировало бы ему прижизненную пенсию. Нельзя не вспомнить в этой связи Девятое письмо об эстетическом воспитании человека Шиллера, в котором немецкий писатель недвусмысленно подчеркивает: «Художник, конечно, дитя века, но горе ему, если он в то же время и воспитанник или даже баловень его» (Там же).

коридору, на скамейке, «в синих с полосками носках» (с. 201). Эта сцена показывает, как разбушевавшаяся природа Шарикова провоцирует демонтаж просвещенческих воспитательных идей профессора. Шариков желает самолично определять содержание собственного образования и отстаивает свое право на выбор учителей. Одного из них он находит в председателе домкома Швондере — фигуре противоположной профессору. С большим восторгом Шариков реагирует на совет «председателя в кожаной тужурке» прочесть переписку Энгельса и Каутского (с. 206), несмотря на то что он страшно далек от ее понимания²⁵. Швондер первые

²⁵ В данном случае мимолетная деталь становится многозначным символом, в завуалированной форме организующим эстетическое размышление Булгакова о борьбе литературных группировок и собственной позиции в сложной для литературы ситуации. В письме Энгельса теоретика социал-демократии К. Каутскому от 19 июля 1884 г. обсуждаются последствия т. н. исключительного закона против социалистов (1878) для характеристики литературной жизни последующего времени. В отличие от утесненных писателей-социал-демократов, большинство из писателей, по мнению Энгельса, стали оппортунистами и начали проповедовать принцип «литературы о литературе». В таком случае и прекращение издания журнала «Нового времени», редактором которого был Каутский, Энгельс уже не считает «ущербом». По его мнению, в такой обстановке только иностранная литература может являться полезным орудием в борьбе социал-демократов. В Германии в конце XIX в. в первом ряду иностранных литератур стоит русская литература, которая упоминается Энгельсом в письме М. Каутской от 26 ноября 1885 г.: «Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, сплошь тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна вытекать из положения и действия сама по себе, без особых на то указаний и что писатель не обязан навязывать читателю будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов» (Фридрих Энгельс о тенденциозности в литературе. Неизданная переписка Энгельса с Минной Каутский. Лондон, 26 ноября 1885 г.). В заключении письма, упрощенно использованного и апологетами социалистического реализма, и их предшественниками, особо выделяется тонкая ирония как средство, позволяющее выйти писателю из тупика и позволяющее приобрести писателю власть над своим творением. Таким образом, Энгельс, невидимо не только для Шарикова, но и для «непосвященного» читателя, становится для Булгакова опорой в размышлениях о тенденциозном искусстве. Дискурсивный характер письма способствует использованию его в защиту собственного художественного метода, ориентированного на литературу, которая отличается свежестью и оригинальностью художественных решений. Подробный анализ затронутого здесь и также в письме Энгельса от 23 февраля 1891 г. дискурса в свете эстетических диспутов 1920-х и 1930-х гг. — задача отдельного исследования. В рамках ограниченной по объему статьи достаточно подчеркнуть, что критика Энгельса голосов, раздававшихся несколько лет после исключительного закона в ряду самой фракции социалистов «с требованием установить цензуру над *Neue Zeit*, по-своему перекликается с усилившимися к середине 1920-х гг. попытками возобновления советской цензуры. Итак, скрытая, но заметная при внимательном прочтении ссылка в самом произведении оставила заметный след, зафиксировала проблемы, стоявшие перед писателем во время работы над текстом (Энгельс Ф. Письмо к К. Каутскому в Штутгарт. Лондон, 23 февраля 1891 г.).

послереволюционные события истолковывает вовсе не как просветитель, а как политический бюрократ. Он не столько «интересы защищает <...> трудового элемента», как сперва утверждает Шариков, но прежде всего строго следит за порядком — за пропиской, за хождением квартирных ордеров, за регистрацией актов гражданского состояния: «Я не могу допустить пребывания в доме бездокументного жильца, да еще не взятого на воинский учет милицией. А вдруг война с империалистическими хищниками?» (с. 196). Но ценности, во имя утверждения которых неистово «трудится» Швондер, тоже рухнут, потому что защищать их Шариковы не желают, а Швондеры, сосредоточенные на «документообороте», просто не способны: «Я воевать не пойду никуда! — вдруг хмуро твякнул Шариков в шкаф. <...> На учет возьмусь, а воевать — шиш с маслом, — неприязненно ответил Шариков, поправляя бант. <...> — Я тяжело раненный при операции <...>. Мне белый билет полагается» (с. 196).

С точки зрения Булгакова, потребности Шариковых могут быть использованы против тех, кто считает себя действительными защитниками «униженных и оскорбленных», т.е. большевиков-ленинцев. «Швондер не понимает, что Шариков для него более грозная опасность, чем для меня. Ну сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь, в свою очередь, натравит Шарикова на самого Швондера, от него останутся только рожки, да ножки» (с. 218).

То, что в тексте Булгакова экспериментаторы обратной трансформацией Шарикова возвращают ситуацию вспять, является в большей степени знаком отхода от ложной теории, в меньшей — от революционной идеи в целом. Репарация символизирует признание консерватора в том, что люди развиваются только в созвучии со своей собственной, естественной природой и своей историей. Идея «омоложения», согласно которой люди мыслятся как объекты, с легко и непременно и бесследно удаляемыми родимыми пятнами, становится основой для конструирования образа человека независимо от природы и истории, что напоминает идеалы догматического Просвещения.

Консерватизм Булгакова исторически конкретен и как форма мышления репрезентативен, поскольку в нем содержится страх, что революция игнорирует историю, природу, а значит, индивидуальность и уникальность своих объектов, советских граждан. Настойчивость, с которой Булгаков в фантастическом тексте ставит вопрос об отношении отдельной личности и революции, индивидуальности и революции и соотнесение проблемы гуманности революции и последующего общественного порядка с идеями Просвещения, показывает, что писатель в данном случае выступает как мыслитель, пытавшийся обнаружить в истории типологически сходные явления, чтобы найти объяснение происходящего у него на глазах. Он не занимается апологетикой от-

даленного или близкого исторического прошлого. Он рефлексивирует над прошлым целенаправленно, в соотношении с настоящим и во имя будущего. Опираясь при этом на работы Канта и Шиллера, Булгакову удается не только обратить внимание на односторонность идеи революционного преобразования человека, но и вступить в диалог с устоявшейся русской рецепцией Просвещения²⁶.

Подобные вопросы с такой же настойчивостью ставил в 1918 г. А. Блок. Несмотря на то что в поэме «Двенадцать», написанной двумя месяцами позже Октябрьского переворота, поэт сильнее акцентировал внимание на революционных ожиданиях решения вопросов о хлебе и мире, — в поэме как у Булгакова появляется образ пса «безродного», символизирующий у Блока подстерегающую революционную Россию опасность:

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто ещё там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный.
— Кто в сугробе — выходи!
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...²⁷

Но опасность и у Блока, как и у Булгакова, скорее всего, связана с бесчеловечностью «революционного шага», с игнорированием «истинной» жизни и потребностей людей. Революционный патруль, шествующий за развевающимся революционным знаменем, не заглядывает в переулки Петрограда, они остаются вне их внимания:

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

²⁶ Булгаков, в отличие от традиционной рецепции Шиллера в России, согласно Д. Кречмару, приспособивавшей немецкого поэта и его эстетические статьи к доминантному просвещенческому идеалу, активизирует многогранного Шиллера для того, чтобы найти опору в сложной для него самой, но и всей литературы ситуации. К сожалению, об этом в работе Кречмара ни слова (см.: *Kretzschmar D. Identität statt Differenz. Zum Verhältnis von Kunsttheorie und Gesellschaftsstruktur in Russland im 18. und 19. Jahrhundert.* Frankfurt/M. et al. 2002. С. 104–118).

²⁷ Блок А. Двенадцать // Блок А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 5. М., 1999. С. 419–429.

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснётся
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет!..

Вперёд, вперёд,
Рабочий народ!

Не случайно долгое время поэму «Двенадцать» официально интерпретировали с акцентом на ее патетический дух, избегая многозначности текста, сближающей его с проанализированной здесь повестью Булгакова. То обстоятельство, что поэму Блока опубликовали сразу же после ее создания, но интерпретировали упрощенно, а повесть Булгакова больше шестидесяти лет пролежала в архиве, на наш взгляд, является результатом ограниченной интерпретации. Но то, что сегодняшние критические оценки Октябрьского переворота почти беспрепятственно могут мотивироваться обоими этими художественными произведениями, бесспорное доказательство их исторической и эстетической ценности, того, что они «одинаково свободны как от пустой деловитости, так и от нетерпеливой мечтательности». Именно это, согласно Шиллеру, является признаком истинной игры фантазии, которую настоящий художник «молча бросит в бесконечное время»²⁸.

²⁸ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. См. нем.: *Schiller F. Über die ästhetische Erziehung des Menschen // Schiller F. Über Kunst und Wirklichkeit. Schriften und Briefe zur Ästhetik. Leipzig, 1985. С. 254.*